

FILM MAS 7981

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ
СЕРИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ПЕСНЯРЯ

РАЗЫСКАНИЯ

БР

ОБЛАСТИ РУССКОГО ДУХОВНАГО СТИХА.

XI—XVII

Академика А. Н. Веселовского.

ВЫПУСКЬ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Бас. Сенг., 9 л., № 12.

1890.

222.12

ГАРД КОЛЛЕДЖ
БИБЛИОТЕКА

69
q 3 8/2
Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1899 года.

Непрекращенный Секретарь, Академикъ К. Воскобоевъ.

РАЗЫСКАНИЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

XL

ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ НОВЪРЬ О МИРОЗДАНИИ.

(Посвящается Вл. Вл. Калашу.)

Извѣстный эпизодъ великорусского духовнаго стиха о Голубиной книжѣ, источники котораго давно указаны, представляетъ рядъ отвѣтовъ на вопросы: откуда взялся у насъ свѣтъ, солнце и мѣсяцъ, звѣзды и громы, роса и дробень дождикъ и т. п. Все это отъ Господа: отъ очей, лица, ризы, слезъ, думъ Божіихъ и т. п. За этимъ слѣдуетъ вопросъ о созданіи человѣка, призывающій по плану къ апокрифической статьѣ о сотвореніи Адама изъ восьми частей. Отвѣтъ, сохранившійся лишь въ нѣсколькихъ записяхъ стиха, совпадаетъ вообще, за вычетомъ образности, съ библейскимъ представлениемъ: тѣло отъ персти (кости отъ камня, тѣлеса отъ сырой земли, кровь отъ черна моря), но

У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ.

Рядомъ съ этимъ же геистическимъ взглядомъ на космо- и антропогонію сохранился среди славянскихъ народностей и другой, дуалистической. Отраженіе его давно усматривали въ сльдующей галицкой коладкѣ:

Коли не было з-ненада свѣта;
(Колись-то было з-начатку свѣта)
Подуй-же, водуй, Господи,
Изъ Святитъ Духомъ во земли!

Тогда не было неба, ни земли.
 Ано лемъ было синее море;
 А середъ моря зеленый явръ (два дубойки),
 На яворику два (а. Б; А—три) голубойки,
 Два (А. три) голубойки радойку радать,
 Радойку радать, ако скіть словати.
 Та спустиме ся на дно до мора
 (Винесеме ся дрібного піску,
 Дрібного піску, синіого камінця;
 Дрібний пісочокъ посієме ми,
 Синій каменець подунеме ми (А. Золотий камінь посієме ми);
 Зъ дрібного піску — чорна землиця;
 Студена водиця, зелена травиця;
 Зъ синіого камінця — синее небо)
 Світле сонечко, лесень місачокъ....
 Ясна зірниця, дрібни звіздайки ¹⁾)

Какъ въ одномъ варианте этой колядки являются три, а не два голубя, такъ въ другомъ удержава та-же тройственность, но вместо голубей выведены въ томъ-же актѣ Христосъ и ап. Петръ и Павель ²⁾:

Якъ то було сирече піка,
 Зачатъ світа,
 Вигравало синее море,
 На синому морі
 Стало три явори,
 На тихъ яворахъ
 Три краслетки,
 На першому краслі
 Самъ Господь седять,

¹⁾ Головацкій, П'єси Галицкой и Угорской Руси, Т. II, стр. 5, № 7, Свищаго округа — А; Костомаровъ, Объ историческомъ значеніи Русск. нар. поззій, Харьковъ 1843, 66 (изъ тѣхъ же мѣстъ) — Б. Сы. Nowosielski, Dziejani Warszawski 1854 № 99 (Са. Kolberg, Pokucie I, стр. 848—9). Текстъ сообщается по Потебѣ, Объясненія малорусскихъ народныхъ пѣсень, II Колядки и щедровки, стр. 738—9 (заимствованное изъ Б поставлено въ скобки). См. ту-же колядку у Шафарика, Národník, 1842, стр. 157 (= А.).

²⁾ Nowosielski, Lud ukraiński II 108—104.

На другиѣ крилѣ
 Свѧтый Петро,
 На третиѣ крилѣ
 Свѧтый Павло.
 Рече Господь до Свѧтого Петра:
 «Порви, Петре, на дно въ море,
 Достань, Петре, жовтого піску,
 Та посій по всѣму світу,
 Створи, Петре,
 Небо и землю,
 Небо съ звіздами,
 Землю зъ квітами.
 Петро порвуў и два не доставъ,
 И піску не взяў,
 И світа не сіавъ,
 Не сотвориў Петро
 Ни неба, ни земли,
 Ни неба зъ звіздами,
 Ни земли зъ квітами.

Также неудачно ныраєть ап. Павель.

Порвуў самъ Господь на дно въ море,
 Доставъ Господь жовтого піску,
 Та посівъ по всѣму світу,
 Створиў самъ Господь
 Небо и землю,
 Небо зъ звіздами,
 Землю зъ квітами.

Колядкой о двухъ голубяхъ началъ Эрбенъ¹⁾ свой небольшой сборникъ славянскихъ разсказовъ о созданиі свѣта. Съ тѣхъ порь свѣдѣнія о нихъ настолько расширились и обогатились²⁾, что представляется любопытной задачей — пересмотрѣть ихъ въ

¹⁾ Erben, Baj  slovansk  o stvoření světa, въ Časopis Musea království českého 1866, str. 86 слѣd.

²⁾ Сл. библиографію въ новагъ Славянскихъ сказаниихъ о Соломонѣ и Китомѣстѣ, стр. 164, прим. 1; Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2-е Апѣ, стр. 782, прим. 1. Частныя указания сл. въ слѣдующихъ примѣткахъ.

совокупности въ виду вопросовъ, поднимаемыхъ самимъ по-вѣрьемъ. Эрбенъ считалъ его исконнымъ славянскимъ¹⁾; онъ же, О. Миллеръ²⁾ и Афанасьевъ³⁾ даютъ ему непосредственно миѳологическое объясненіе; Кастренъ⁴⁾ склоненъ былъ предположить, по поводу аналогическихъ восточно-финскихъ по-вѣрій, что они могли быть заимствованы изъ Библіи; другіе (въ томъ числѣ и я)⁵⁾ усматривали въ славянскихъ легендахъ отраженіе богомильского ученія, приписывавшаго сотвореніе міра совокупному творчеству Бога и дьявола. Проф. Юлій Кронъ⁶⁾, недавно пересмотрѣвшій этотъ вопросъ по поводу космогонического миѳа Калевалы, склоняется къ тому, что мы имѣемъ здесь дѣло съ финско-угорскимъ, даже урало-алтайскимъ древнимъ по-вѣрьемъ: именно на востокѣ, среди финскихъ и, специальнѣ, волжскихъ племенъ оно сохранилось въ большей цѣлостности, хотя не безъ вліянія христіанскихъ элементовъ; славяне переняли его и удержали въ менѣе ясныхъ очертаніяхъ, напр. сербы. — Еще не познакомившись съ работой покойнаго Крона, любезно доставленной мнѣ въ корректурныхъ листахъ его сыномъ Карломъ Крономъ, доцентомъ Гельсингфорсскаго университета, я пришелъ къ аналогическимъ заключеніямъ: о возможныхъ финскихъ основахъ распространенного среди славянъ космогонического миѳа. Въ подробностяхъ изслѣдованія, равно какъ и въ его выводахъ я расхожусь съ почтеннымъ фольклористомъ, такъ безвременно похищеннымъ у науки.

На первый разъ устранимъ кажущееся разногласіе воззрѣнія: народный (финский, славянский) — или закожій, богомильско-христіанскій миѳъ. Одній взглядъ не исключаетъ другого, какъ ни противоположными они представляются. Богомильство не было самостоятельнымъ религіознымъ толкомъ, его дуализмъ

¹⁾ Ервек, I. c. стр. 45.

²⁾ Опытъ истор. обзорънія русск. словесности, I 87.

³⁾ Поз. воззрѣнія Славянъ на природу, II 460 сѣд.

⁴⁾ Castren, Finsk Mythologl, стр. 300.

⁵⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоградѣ стр. 164.

⁶⁾ J. Krohn, Finska litteraturs historia I, стр. 175.

восходить къ учению манихеевъ и павликіанъ, его мнѣю о мірозданії напоминаетъ древне-иранскія представлениа о совмѣстномъ, враждебномъ другъ другу творчествѣ Ормузда и Аримана¹⁾), но сильнѣйшія формы миѳа могли быть мѣстными, народныя. Были-ли онъ исконно-славянскими? Этническій составъ населенія балканскаго полуострова, где развилась и долго гнѣздилась ересь, не исключаютъ предположенія, что въ его космогоническихъ преданіяхъ сохранились слѣды другого, можетъ быть, не арійскаго міросозерцанія. Но это лишь одна изъ многихъ возможностей, осложняющихъ рѣшеніе вопроса. Встрѣчая дуалистическія легенды о созданіи міра на почвѣ Россіи мы можемъ двоиться въ объясненіи ихъ сходства, напр. съ болгарскими: можемъ говорить о пра- или до-славянскомъ вѣрованіи, одинаково или сходно отразившемся тамъ и здѣсь, но съ такимъ же правомъ о воздѣствіи на народную фантазію тѣхъ отреченныхъ легендъ въ духѣ богоизбрания, которая, явившись на славянскомъ югѣ выражениемъ еретического вѣроученія, распространялась и далѣе вмѣстѣ съ памятниками южно-славянской церковно-учительной письменности. Та-же двойственность рѣшенія, и еще болѣе принципіальная, представляется и въ слѣдующемъ: дуалистическія сказки о мірозданії записаны были у нашихъ инородцевъ; откуда взялись они? Мы сообщимъ ихъ прежде чѣмъ привести славянскіе апокрифы того-же содержанія и народныя къ нимъ параллели.

I.

Горные черемисы казанского края²⁾ вѣрять въ два главныхъ и собезначальныхъ божества: благое Юма и злое Кереметь, ко-

¹⁾ Съ A. Darmesteter, *Essais orientaux: Les cosmogonies ariennes*, стр. 171 слѣд.

²⁾ Съ Казанская губернія Лаптева, стр. 485; Этнографический Сборникъ, 1868, IV, 210—211; тамъ-же, V, 41 (выписка изъ Вятскихъ вѣдомостей); Знаменский, Горные Черемисы Казанского края, Вѣстникъ Европы 1867, Дек. стр. 48—9; съ ib. 40, 48 (соговореніе земли Юмой), 51—52; Бехтеревъ, Воткин., Вѣстн. Евр. 1880, Сент. 168—9. Съ *Ertman Archiv. f. wissenschaftliche Kunde v. Russland*, XVII B. 1-es Heft (1868), стр. 387—8 (перев. статьи Вишневскаго въ Вѣсти. Имп. Геогр. Общества).

торый является младшим братом первого, но также въченъ, какъ и онъ. При началѣ мира Кереметь хотѣлъ дѣлать тоже, что и Юма, но по безысилію могъ только портить созданное старѣшими братомъ. Когда Юма пожелалъ сотворить сушу, онъ приказалъ Керемети, который плавалъ по морю въ видѣ селезня, достать изъ подъ воды горсть земли; Кереметь досталъ, но отдавая принесенную землю, часть ея удержаля во рту. Юма дунулъ на горсть земли и велѣлъ ей покрыть собою воды; воля его тотчасъ исполнилася. Тогда и Кереметь сталъ выщевывать утаенную часть земли, и гдѣ плевалъ, тамъ возникали горы и скалы. Затѣмъ Юма принялъся выѣкать молотомъ искры изъ камня — и полетѣли сакчи (шукчів); Кереметь подсматривалъ за нимъ въ это время, и когда Юма уснуль, онъ также сталъ выѣкать искры, и полетѣли его собственные сакчи — шайтаны. Такъ объясняется происхожденіе добрыхъ и злыхъ духовъ; послѣдніе, сверженные съ неба, распредѣлились по разнымъ частямъ мира и объявились мѣстными кереметями, водяными шайтанаами, ярь-вадышами (озерными водяными) и т. п.— Къ этому пристраивается разсказъ о сотвореніи Юмой тѣла перваго человѣка и попыткѣ Кереметя испортить его. Воспользовавшись темъ, что Юма ходилъ на небо за душой человѣку, Кереметь оплевалъ его тѣло съ ногъ до головы, такъ что Юма и вычистить уже не могъ, а просто взялъ да выворотилъ наизнанку, отчего внутренность человѣка осталась поганою. Тутъ же Юма проглядѣлъ и собаку, которая приставлена была караулить человѣка, за то, что она, не стерпя холода, напущеннаго Кереметемъ, сблизнилась на шубу, которую онъ ей послуилъ, и допустила его до человѣка. Кереметь дала ей шерсть, а до того она была голая.

Отъ нищихъ калѣкъ, позощихъ свои стихи по деревнямъ, отъ раскольниковъ, живущихъ около черемисскихъ деревень въ Козмодемьянскомъ и Васильевскомъ уѣздахъ, черемисы заимствовали много апокрифическихъ сказаний, которыми они охотно воспоминаютъ свою скучную мифологію, говорить (I. с. стр. 48)

г. Знаменскій. Изъ такого источника могла зайдти къ немъ и дуалистическая сказка о мірозданії, въ уровень съ дуализмомъ икъ собственной міеології, варочемъ, слабо развитомъ (І. с. стр. 51). Повѣрку этого взгляда могли бы дать сходные рассказы, записанные у луговыхъ черемисовъ, почти не тронутыхъ христіанствомъ и русской цивилизацией (І. с. стр. 30).

По сказаніямъ *Мордвы*¹⁾ верховный Богъ, Чамъ-Пасъ²⁾ сотворилъ всѣ видимое и невидимое; отъ него происходитъ одно только добро, но чтобы люди не забывались, онъ попустилъ Шайтану³⁾ сотворить злыя духовъ и посадилъ ихъ въ болотахъ и омутахъ. Шайтанъ, представитель злого начала, является созданіемъ Чамъ-Паса, точно также какъ и Анге-Патай (матерь богиня), доброе божество, источникъ жизни, чадородія и плодородія на землѣ. Она родила четырехъ боговъ и четырехъ богинь, желала какъ можно скорѣе наполнить весь міръ добрыми божествами, чтобы, не говоря уже о людяхъ, при каждомъ деревцѣ, при каждой травкѣ присутствовалъ добрый духъ, который бы охранялъ созданія Чамъ-Паса отъ козней Шайтана. Она обратилась съ просьбой объ этомъ къ отцу своему; Чамъ-Пасъ далъ ей огниво, сынъ ея, Нишки-Пасъ (богъ неба, солнца, огня и свѣта), принесъ ей кремень. Анге-Патай стала ударять огниво о кременъ, и сколько при этомъ вышло искръ, столько явилось добрыхъ духовъ бзансовъ. Шайтанъ увидалъ, что дѣлаетъ Анге-Патай, взялъ изъ земли два кремня (огнива ему негдѣ было взять, ибо оно получено было матерью боговъ отъ Чамъ-Паса) и также сталъ высѣкать огонь. Сколько вылетѣло искръ, столько произошло и злыя духовъ. И до сихъ поръ Анге-Патай и

¹⁾ Сл. Мельниковъ, Очерки Мордовы, Русский Вѣстникъ 1967, т. 71-8, стр. 218; 222; 224; 219—221; 228—233.

²⁾ Иначе: Пасъ (у Эрози), либо Шкабо-васъ или Шкай (у Мокши. Сл. Н. Смирновъ, Мордовское населеніе Пензенской губерніи, Пенз. земл. вѣдомости 1874 г. № 3, стр. 97), Варда — шкай (Древн. и Нов. Россія, 1881, Мартъ, Дубасовъ, Истор. извѣстія о Мордовѣ, населяющей Тамбовскую губернию, стр. 599).

³⁾ Иначе: Мастеръ-Пасъ. Сл. Смирновъ, I. с. 98.

Шайтанъ высѣкаютъ огнь, и отъ этого съ каждымъ днемъ умножаются какъ добрые, такъ и злые духи.

Другіе разсказы противополагаютъ, въ дѣлѣ творенія, Шайтана самому Чамъ-Пасу. Однажды, когда ничего еще не было на свѣтѣ, кроме одной воды, плыть Чамъ-Пасъ на камѣкъ и размышиль самъ съ собою, какъ сотворить видимый міръ. Нѣть у меня ни брата, ни товарища, съ кѣмъ-бы я могъ посовѣтоваться; при этихъ словахъ онъ плонулъ съ досады въ море. Слюна обратилась въ огромный бугоръ и поплыла за нимъ; Чамъ-Пасъ ударилъ по немъ жезломъ, изъ него выскочилъ Шайтанъ и сказалъ: Ты жалѣешь, Господи, что нѣть у тебя ни брата, ни товарища, съ кѣмъ бы тебѣ подумать и посовѣтоваться о сотвореніи міра; я, пожалуй, радъ быть твоимъ братомъ. Чамъ-Пасъ обрадовался и сказалъ: «Ну, хорошо, будь мнѣ хоть не братомъ а товарищемъ. Давай творить землю. Изъ чего же мы еї сдѣляемъ? Вѣдь кроме воды нѣть ничего». Шайтанъмолчать, не знаетъ изъ чего землю сдѣлать. «Ныри, товарищъ, въ море-окинъ, на днѣ есть песокъ, принеси его немного, изъ него и сдѣлаемъ землю». — А я только что хотѣлъ это самое сказать, братецъ, перебилъ Шайтанъ, потому что не хотѣлъ показать Чамъ-Пасу, что тотъ выше его и знаетъ больше, и все называлъ его братцемъ, хотя Чамъ-Пасъ взялъ его только въ товарищи. «Такъ ступай же на дно, принеси песку, да смотри, какъ станешь братъ песокъ, помяннъ имѧ мое». Шайтанъ погрузился на дно, но по гордости не захотѣлъ помянуть имѧ Чамъ-Паса, а помянулъ свое; тогда изъ-подъ дна морского вышло пламя и обожгло его, и онъ не могъ взять ни одной песчинки. Обожженный вынырнулъ онъ на поверхность моря, говорить Чамъ-Пасу о своей неудачѣ; тотъ велѣть ему спуститься снова, но въ на этотъ разъ тотъ-же неуспѣхъ. Въ третій разъ спустился Шайтанъ и боясь, чтобы пламя совсѣмъ его не спалило, помянулъ имѧ Чамъ-Паса и безъ всякой помѣхи набралъ полонъ ротъ песку. Вынырнувъ на поверхность моря, онъ отдалъ песокъ Чамъ-Пасу, но часть его утаилъ у себя за щекой; думаетъ: пусть братъ мой творить

свою землю, а я сотворю свою. Чамъ-Пась сталъ разбрасывать по морю песокъ, и онъ, увеличиваясь, дѣлался землею; но по мѣрѣ того выростали и песчинки, оставшіяся за щекой у Шайтана; отъ того голова у него разрослась въ огромную гору. Отъ нестерпимой боли Шайтанъ заревѣлъ и покаялся Чамъ-Пасу, что утаилъ часть земли; Чамъ-Пась ударилъ его жезломъ по головѣ и вѣльгъ выплевывалъ песокъ; тогдѣ дѣлалъ это такъ сильно, что жидккая, еще не окрѣпшая земля отъ того поколебалась, отчего произошли ямы, овраги и долины, а изъ песку, который онъ извергъ, образовались бугры, холмы и горы. «Не можешь ты быть мнѣ товарищемъ, говорить ему Чамъ-Пась: ты золь, а я добрь, будь-же ты проклять въ ступай подъ дно морское, въ преписподнюю, въ тотъ самый огонь, что опалилъ тебя за гордость; сиди тамъ и мучься на вѣки вѣковъ». По другимъ мордовскимъ сказаніямъ проклятие Шайтана вызвано его гордыней: онъ пожелалъ стать на мѣсто творца: «Чамъ-Пась, сказалъ онъ ему, ты уже старъ, тебѣ пора на покой, а я молодъ; такъ сиди ты на своемъ мѣстѣ и спи, а я одинъ буду управлять міромъ, который мы сотворили».

Разгнѣванный на Чамъ-Паса Шайтанъ старается испортить все доброе, имъ созданное: такъ на чистое, голубое небо онъ выбросалъ черныхъ тучу; Чамъ-Пась не очистилъ неба отъ тучъ, но вложилъ въ него плодотворный дождь. Онъ создалъ рѣки съ гладкою, свѣтлою поверхностью; Шайтанъ напустилъ на нихъ вѣтры и произвелъ на нихъ волненія, но Чамъ-Пась построилъ барку, сѣдалъ руль и весла, сшилъ парусъ и научилъ людей судоходству. Когда Чамъ-Пась захотѣлъ сотворить сушу, а воды въ это время были уже созданы, то увидѣлъ, что Шайтанъ въ видѣ утки плаваетъ по морю. Чамъ-Пась вѣльгъ ему нырнуть на морское дно и достать оттуда немного земли. Шайтанъ нырѣулъ, досталъ земли, но отдалъ Чамъ-Пасу не всю, немного удержавъ у себя во рту. Чамъ-Пась изъ привнесенной со дна моря земли сотворилъ сушу, и она вышла гладкая, ровная; Шайтанъ набросалъ на нее оставшейся у него во рту

земли, отчего образовались горы, камни, овраги, во Чамъ-Пась исправилъ эту порчу, положивъ въ горы золота, серебра, желѣза и драгоцѣнныхъ камней. Извъ накиданныхъ Шайтаномъ камень-севъ онъ научилъ людей дѣлать мельничные жернова, а овраги наполнилъ водою, отчего произошло множество рѣчекъ. Чамъ-Пась создалъ землю, покрытую прекрасными деревьями, Шайтанъ поднялъ бурю, которая повалила ихъ множество; оставшееся отъ того пустыя мѣсто Чамъ-Пась обратилъ въ пашни и луга и научилъ людей землепашеству и сѣнокошенню. Когда онъ слѣпилъ человѣка изъ глины и ушелъ на иѣкоторое время въ другое мѣсто для соторенія души, онъ приставилъ собаку караулить тѣло, чтобы Шайтанъ не испортилъ его. А собака была прежде животное чистое и на ней шерсти не было. Шайтанъ напустилъ страшный морозъ, такъ что собака едва не замерзла; онъ предложилъ ей одѣть ей шерстью и за то допустить къ тѣлу еще бездушнаго человѣка. Та согласилась. Шайтанъ оплевалъ всего человѣка, отъ чего произошли болѣзни; потомъ сталъ вдыхать въ него свое злое дыханіе. Чамъ-Пась прогналъ Шайтана, собакѣ вѣдѣль навсегда носить нечистую шерсть, а тѣло человѣка выворотилъ на изнанку, во болѣзни, происшедшія отъ Шайтановой слюны, все-таки остались въ немъ. Потомъ, вдунувъ въ человѣка доброе свое дыханіе, оставилъ его. Оттого въ человѣкѣ и остались наклонности и къ добру и къ злу; оттуда предложеніе Шайтана Чамъ-Пасу: въ человѣкѣ половина души моей, половина твоей; раздѣлимъ всѣхъ людей пополамъ, пусть одни будутъ твои, другіе мои. Чамъ-Пась прогналъ Шайтана, а чтобы люди не стали его добычей, одарилъ ихъ разумомъ, научилъ различать хорошее отъ дурнаго. Шайтанъ съ досады стала творить свои созданія: злыхъ духовъ въ болѣзни, такихъ же злыхъ духовъ, которыхъ напустилъ на людей.

Иначе разсказываютъ, что человѣка хотѣль сотворить не Чамъ-Пась, а Шайтанъ: собралъ глины, песку и земли отъ семидесяти семи странъ свѣта, но слѣпить благообразное тѣло не могъ: то слѣпить свиньей, то собакой, то гадомъ; а ему хо-

тълько сътворить человѣка по образу и подобію Божію. Позывъ птичку-мыши онъ сказаъ ей: Лети ты на небо, тамъ у Чамъ-Паса полотенце виситъ; когда онъ въ башню ходить, тѣмъ полотенцемъ обтирается; виситъ оно у него на гвоздикѣ, заберись ты въ одинъ конецъ полотенца, свой гнѣздо, разведи дѣтей, чтобы одинъ конецъ полотенца стала тяжелѣй въ увалѣ-бы ко мнѣ на землю. Летучая мышь такъ и сдѣлала; Шайтанъ обтеръ полотенцемъ слѣпленного имъ человѣка, который получиль образъ въ подобіе Божіе, во вложилъ въ него живую душу онъ не могъ. Когда Господь оживилъ его, Шайтанъ вступаетъ съ нимъ въ споръ: и на его долю изъ человѣка надобно что-нибудь ему дать. Рѣшили такъ: образъ и подобіе отъ моего полотенца, сказаъ Чамъ-Пасъ, и душа моя, а тѣло пусть будетъ твоє. А птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за службу Шайтану: отнялъ у нея крылья и приставилъ голый хвостъ, такъ-же какъ у Шайтана, и даль такія-же языы, какъ и у него.

Присоединимъ къ этому мордовское сказаніе о грѣхопаденіи первыхъ людей. Они находились въ блаженномъ состояніи, все были богаты, и имущество у всѣхъ было ровное. Чамъ-Пасъ послалъ имъ для управления сына своего Нишки-Паса, который жилъ на землѣ въ образѣ человѣка и помогалъ людямъ во всемъ, научая ихъ добру; не было между ними ни ссоръ ни вражды, пока Шайтанъ не явился къ одному старику и не подалъ ему вѣтку одного неизвѣстнаго дотолѣ растенія: пусть посадить его, только не сказываетъ Нишки-Пасу. Выросъ хмѣль; снова явился Шайтанъ, научилъ старика дѣлать пиво и медъ, а изъ муки курить вино. Отъ этого произошло пьянство, явились вражды и ссоры; Нишки-Паса, увѣщевавшаго отстать отъ вина, лишили начальства; и, по наущенію Шайтана, убили до смерти, но онъ всталъ и вознесся на небо, сказавъ убийцамъ своимъ: Не хотѣли вы со мной въ добрѣ жить, теперь безъ меня вамъ будетъ хуже. Тотчасъ-же солнце стало свѣтить и грѣть въ семь разъ меныше, зима стала въ семь разъ суровѣе, земля стала требовать усиленнаго удобренія и труда, да и то давала урожаи небольшіе, а

временами и вовсе не стала хлеба родить; скота осталась самая малость. Тогда, чтобы держать между людьми порядокъ, Чамъ-Пась назначилъ надъ ними царей, князей, судей и другихъ начальниковъ и далъ имъ власть такую, что за дурныхъ дѣлъ они сажаютъ въ тюрьму, бьютъ кнутомъ и плащами и казнятъ смертью¹⁾.

Слѣдующія легенды представляютъ варианты сообщенныхъ.

Сперва не было земли, повсемѣстно разливались воды. Однажды Вардя-шкай плылъ въ лодкѣ и плюнулъ въ воду, отчего произошелъ злой духъ въ видѣ птицы. — Слѣдуетъ закономъ наль разказать о сотвореніи земли; изъ земли, которую извергъ демонъ, образовались горы. По сотвореніи міра, богъ заключаетъ съ демономъ условіе, что живые люди будуть принадлежать богу, мертвые—злому духу. Но такъ какъ по дѣйствію послѣд资料 люди стали постоянно умирать, то Вардя-шкай вынужденъ былъ принять мѣры къ освобожденію рода человѣческаго отъ напрасной смерти. Съ этой цѣлью одинъ изъ его приближенныхъ поступилъ въ услуженіе къ демону и похитилъ у него условіе, заключенное съ Вардя-Шкаемъ, которое хранилось на дѣлѣ моря, въ одномъ камнѣ. — У первого человѣка, котораго Богъ помѣстилъ въ раю, кожа была твердая, роговая; демонъ прокраился въ рай, обольстилъ собаку обѣщаніемъ покрыть ей шерстью, а человѣка оплевалъ, кроме оконечностей пальцевъ на рукахъ и ногахъ. Въ остальномъ разказать тотъ-же; такъ въ эпизодѣ о происхожденіи злыхъ духовъ: Вардя-шкай ударяетъ одинъ камень о другой, вылетаютъ боги; демонъ дѣлаетъ то-же—и вы-

¹⁾ Сл. сходныя сказания вотяковъ о Кызылмакѣ у Первухина, Эскизы преданий и быта инородцевъ Газовского уѣзда. I Древняя религія вотяковъ во си слѣдать въ современныхъ преданіяхъ. Вятка 1888 (перепечатано изъ Вятскихъ губерн. Вѣдомостей 1888 г.); стр. 7 и слѣд. По Чувашскимъ сказкамъ сыгъ верховнаго бога, отѣчающій вордовскому Нипки-Пасу, также убить людьми по наущенію Шайтана; чтобы скрыть преступленіе они сожгли тѣло убитаго, а прага разбили по вѣтру; но тамъ где падъ этотъ прага, выросла деревья, а съ ними возродился и сынъ бога—во множествѣ враждебныхъ человѣку существъ—кременей. Сл. Смирновъ, I. с. № 5, стр. 166—7.

летаютъ подобные ему духи; когда Вирдя-шкай это замѣтилъ, произнѣсть заклятие, и изъ камня, вмѣсто духовъ, начали выпасть огненные искры ¹⁾.

Въ другой легенде ²⁾, также начинающейся на безбрежной поверхности водъ съ нырянія гоголя — злого духа, онъ спрашиваетъ Господа, какая ему будетъ за то награда отъ него и будущаго творенія. Господь отвѣчаетъ: Люди, которыхъ я сотворю изъ земли, будутъ тебя помнить при вѣздахъ на гору, а меня при спускахъ. Злой духъ остался доволенъ этимъ дѣлениемъ. Вотъ почему люди поминаютъ его недобрый словомъ, взираясь на крутизну, а подъ гору ёдутъ легко, приговаривая: Ну, съ Богомъ!

Соответствующія преданія *вотяковъ* ³⁾ сохранили лишь эпизоды того-же вѣрованія, съ своеобразной разработкой. Ихъ Инмаръ, богъ благой и правосудный, и Шайтанъ или Кереметъ ⁴⁾, представитель зла, родные братья; первоначально оба они были боги добрые, но поссорившись съ братомъ, Кереметъ сталъ злымъ, хотя равносильнымъ Инмару, которому люди, растенія и животныя обязаны своимъ существованіемъ. Перваго человѣка Инмаръ сотворилъ изъ красной глины и поселилъ въ раю, плодами которого онъ питался. Однажды, когда Инмаръ послалъ Керемета осмотрѣть землю, всѣ-ли сотворенное на ней хорошо, тотъ нашелъ все благополучнымъ: скучалъ одинъ лишь человѣкъ. Узвавъ объ этомъ Инмаръ велѣлъ младшему брату научить человѣка дѣлать кумышку — напитокъ, имѣющій свойство разговнять скучу. Это не развеселило человѣка, но когда Кереметъ вторично донесъ о томъ Инмару, тотъ не повѣрилъ ему, разсер-

¹⁾ П. Дубасовъ, I. с., стр. 598—4.

²⁾ К. Митропольскій, Морда, міровоззрѣніе ихъ, права и обычай, Мірское Слово 1877, № 8, стр. 18—19.

³⁾ Бехтеревъ, I. с., стр. 150—2. Сл. Островскій, Вотяки Казанской губерніи (Труды общества естествоиспытателей при имп. казанскомъ университѣтѣ, т. IV, № 1), стр. 35.

⁴⁾ Иначе: Луна. Сл. Митропольскій, Крещеные вотяки Казанского уѣзда (Казань, 1876 г.).